

Научная статья

УДК 398.2:291.2(575)

DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-416-434

**Сказочные типы повествований
о герое хантыйского фольклора *Ими хилы***

Анна Александровна Гриневич

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
annazor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7607-8387>

Аннотация

Исследуется роль сказочного персонажа *Ими хилы* ('Бабушкин внук') в культурном наследии обских угров и его значимость в мифологии хантов. В статье обсуждаются результаты филогенетического исследования повествований о Бабушкином внуке на хантыйском языке, которое выявило четыре основных сказочных типа об этом герое: Сказка о Терешечке; Миф о небесной охоте; Повествование о мести за отца; Повествование о женитьбе героя. Герой *Ими хилы* выступает в качестве победителя лесных великанов, трикстера, сироты, мстителя за смерть отца, жениха, спасающего невесту. Однако, помимо этого, *Ими хилы* ассоциируется с божеством высшего пантеона, являясь младшим сыном верховного бога. Таким образом, сохраняется амбивалентность этого персонажа, которая проявляется в параллелизме между сказками и мифологическими повествованиями. Статья описывает значение *Ими хилы* в мировоззрении хантов, ассоциирующее его со сверхъестественными силами и различными божествами как в горизонтальной, так и в вертикальной модели мира. *Ими хилы* связывается и с божеством-покровителем верховьев Оби, и с божеством, играющим роль посредника между людьми и небесными божествами. Также обсуждаются аналогии между *Ими хилы* и иранским божеством Митрой, что указывает на возмож-

© Гриневич А. А., 2024

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 416–434

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2024, no. 2, pp. 416–434

ное влияние иранского культурного комплекса на представления об этом персонаже.

Ключевые слова

Ими хилы, Бабушкин внук, хантыйский фольклор, мифология

Для цитирования

Гриневич А. А. Сказочные типы повествований о герое хантыйского фольклора *Ими хилы* // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 416–434. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-416-434

Fairy Tale Types about the Hero of Khanty Folklore *Imi hily*

Anna A. Grinevich

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
annazor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7607-8387>

Abstract

The article explores the role of the fairy tale character *Imi хилы* ('Grandmother's Grandson') in the cultural heritage of the Ob Ugric people and its significance in Khanty mythology. The article discusses the results of a phylogenetic study of narratives about the Grandmother's Grandson in the Khanty language, revealing four main fairy tale types about this hero: The Tale of Tereshcheka; The Myth of the Celestial Hunt; The Narrative of Revenge for the Father; The Narrative of the Hero's Marriage. The hero *Imi хилы* appears as a victor over forest giants, a trickster, an orphan, an avenger for his father's death, a bridegroom rescuing a bride. *Imi хилы* is associated with a deity of the highest pantheon, being the youngest son of the supreme god. Thus, the ambivalence of this character is maintained, which is manifested in the parallelism between fairy tales and mythological narratives. The article describes the significance of *Imi хилы* in the worldview of the Khanty people, associating him with supernatural forces and various deities, in both horizontal and vertical models of the world. *Imi хилы* is linked as a deity protecting the headwaters of the Ob River, and as a deity acting as an intermediary between humans and celestial beings. Analogies between *Imi хилы* and the Iranian deity Mithra are also discussed, indicating the possible influence of the Iranian cultural complex on perceptions of this character.

Keywords

Imi Khily, Grandmother's grandson, Khanty folklore, mythology

For citation

Grinevich A. A. Fairy Tale Types about the Hero of Khanty Folklore *Imi hily*. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2024, no. 2, pp. 416–434. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-416-434

Исследование посвящено анализу фольклорных повествований об одном из самых противоречивых и сложных персонажей в обско-угорском фольклоре, известном как *Imi χili* среди хантов и *Ekwa pigriś* среди манси (букв. ‘бабушкин внук’ или, согласно В. Штейницу, ‘тетин племянник’ [Steinitz, 1975, S. 189]). Вокруг этого персонажа сложился цикл повествований, параллели которым обнаруживаются в самых отдаленных культурах в Северной Америке, Центральной Азии, Европе, на Дальнем Востоке и даже в Южной Африке, что делает его перспективным объектом для сравнительного исследования.

Исследуемый персонаж занимает особое место в культурном наследии обских угров и представляет собой значимое явление в мифологии хантов. В сказочных повествованиях он предстает как победитель лесных великанов, трикстер, сирота, мстящий за смерть отца, жених, спасающий невесту. Но, кроме этого, сказочный персонаж *Imi χili* ассоциирован с божеством высшего пантеона, младшим сыном верховного бога. Таким образом, в хантыйском фольклоре сохраняется его амбивалентность, которая проявляется в связи между сказками и мифологическими повествованиями. Эти следы могут свидетельствовать о существовании в прошлом единой повествовательно-мифологической системы, связанной с этим персонажем, аналог которой выявляется и у других сибирских народов, в том числе у ороков и селькупов, хотя у них и в меньшей степени. О том, что сказочный селькупский персонаж *ī't'e* тоже был ассоциирован с божеством, нами было обнаружено свидетельство в [Прокофьева, 1952]: «Фигура Ыя (прародитель рода Кедровки) играла большую роль в религиозных представлениях селькупов, являясь трансформацией излюбленного селькупского героя-богатыря в мифическое божество – сына бога Нума. Анализ селькупского фольклора позволяет проследить эту трансформацию». Скорее всего, эти сказочные образы складывались в разные эпохи, отражая разнообразные пласты мировоззрения, преобладающие внутри культуры.

Обсуждая роль *Imi χili* в его божественном проявлении, важно прояснить его значение в мировоззрении хантов, которое сохранило пред-

ставления как о вертикальной, так и о горизонтальной ориентации пространства. В рамках горизонтальной модели мира этот сказочный персонаж связан с божеством *As tij iki*, божеством-покровителем верховьев Оби, территорий на Юге, которые воспринимаются как Верхний мир. Культ *As tij iki* сохранился до наших дней. Это божество почитается всеми этнолокальными группами хантов и манси [Молданов, 2011, с. 138]. В этнографической литературе он упоминается как «Обской старик», «Человек истока Оби», а также известен как *Wqrt (Urt) iki* ‘бог, сын бога’, *Mir wanntə xq* (букв. ‘за миром смотрящий мужчина’), *Ali xum*. Это культурный герой и младший сын верховного бога [Бауло, 2009, с. 113]. Считается, что он посылает людям рыбу и присматривает за ними, чтобы они не утонули. С описанием жертвоприношения *As tij iki* можно ознакомиться в [Сагалаев, 2019].

Имя *Mir wanntə xq* является одним из эпитетов божества *As tij iki*. Тем не менее, это божество представляет вертикальную модель мира. Как шаманское божество он осуществляет посредничество между людьми и небесными божествами. *Mir wanntə xq* – хранитель справедливости в человеческом мире. Именно при его посредстве приносится кровавая жертва во время обряда медвежьего праздника, так как считается, что он доставит ее верховному богу. Для этого на спину жертвенного животного накидывают священное покрывало, символизирующее седло бога, с изображением всадника [Бауло, 2017]. Возможно, это божество вошло в пантеон обских угров вместе с южными кочевниками и было ассимилировано местной автохтонной культурой. Божество *Mir wanntə xq* связано с экзогамной фратрией *мось*, культовым атрибутом которой является лошадь. Архаичная социальная структура хантов и манси представляет собой реликтовое явление, сохранившее деление на две экзогамные социальные группы (*пор* и *мось*). П. Вереш [1990] считает фратрию *мось* реликтом южных племен, появившихся на Урале на рубеже бронзового и железного веков. В. Н. Топоров считал, что обские угры испытали влияние иранского культурного комплекса, основанного на весьма устойчивом дуалистическом принципе, который «оказался способным к исключительно мощной и направленной иррадиации тех или иных своих элементов» и связывал *Mir wanntə xq* (манс. *Mir susnē xum*) с иранским божеством Митрой [Топоров, 1981, с. 147]. Подобно Митре, *Mir wanntə xq* сочетает в себе солнечные функции, а также предстает как всадник, который на белом коне объезжает земли. Он особенно дружелюбен к людям, просьбы к нему чрезвычайно дифференцированы. Само его имя можно трактовать как

кальку с самого характерного определения Митры, ср. вед. *Mitráḥ kṛṣṭír ánimīṣābhi caṣṭe* «Митра, не смыкая глаз, озирает людей» (RV III, 59,1) [Топоров, 1981, с. 148].

В статье мы будем называть исследуемого персонажа «Бабушкин внук», что является дословным переводом его сказочного имени с хантыйского языка, имея при этом в виду различные ипостаси героя.

Методы и материалы

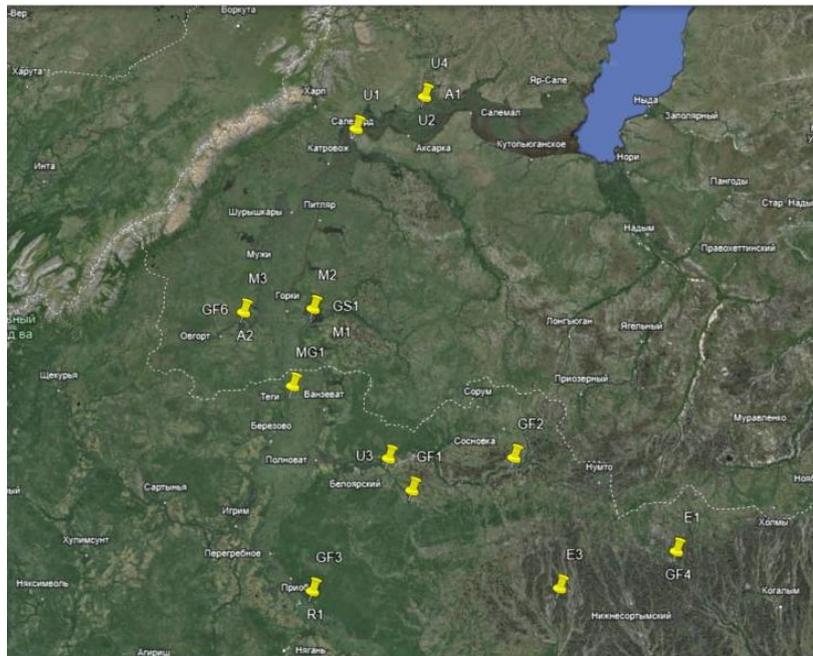
Исследование было проведено на основе корпуса из 21 текста на хантыйском языке, включающего как опубликованные произведения, так и рукописи (см. Список источников). Эти тексты были записаны от носителей разных диалектов хантыйского языка, в том числе казымского, сынского, шурышкарского, ваховского, низямского, тромъеганского и шеркальского. Временной отрезок записи текстов охватывает период с 1898 по 2006 г. Чтобы показать распределение мест записи текстов на географической карте, при помощи программного обеспечения Mesquite и Google maps была сформирована карта с указанием мест фиксации задействованных текстов (см. рисунок). Карта охватывает все основные этнолокальные группы хантов, что свидетельствует о повсеместном распространении повествований о Бабушкином внуке.

В исследовании мы применили подход максимальной парсимонии и использовали Mesquite software ver. 3.8¹ для построения филогенетического дерева. В результате было выявлено четыре сказочных типа повествований о Бабушкином внуке и показана эволюция исследуемых объектов. Данная статья не предполагает детального обсуждения примененного метода, поэтому точные данные здесь не приводятся. Основные мотивы этих сказочных типов были соотнесены нами с картой мифов, составленной Ю. Е. Березкиным и Е. Н. Дувакиным². По данным за 2023 г., эта карта содержит информацию о распространении 3 166 мотивов среди 1 019 уст-

¹ Maddison W. P., Maddison D. R. Mesquite: a modular system for evolutionary analysis. 2019. Version 3.8. URL: <http://mesquiteproject.org> (дата обращения 14.05.2024).

² <http://mapsofmyths.com/>

ных традиций мира ³. В статье применен подход этих авторов, которые считают, что исследование фольклора и мифологии как отдельной области культуры, отчасти независимой от сферы материального существования, дает возможность изучить передачу информации между людьми, процессы формирования и распада областей взаимодействия, а значит, и пути обмена идеями [Березкин, 2021, с. 35].

Фрагмент карты Google map с точками, обозначающими места записи текстов с учетом их широты и долготы (см. также Список источников)

A fragment of a Google Map with points indicating the latitude and longitude coordinates where texts were recorded (see List of Sources)

³ Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения 14.05.2024).

Для анализа нами было выявлено 100 признаков, характеризующих нарративы внутри нашего корпуса текстов. Признаки были разделены на группы, каждая из которых служила для описания различных аспектов. Одна группа особенностей была сосредоточена на повествовательном жанре, показывая разнообразие, включающее не только сказки, но и мифы, причем в различных формах – как повествовательной, так и стихотворной, а точнее, поющей. Другая группа признаков характеризовала главных героев повествований. Например, возраст, чудесное рождение протагониста, моменты взросления или описание состава его семьи.

Наиболее существенную группу признаков составили мотивы, характеризующие сюжет повествований, который мы рассматривали как состоящий из последовательности эпизодов или мотивов. Существует несколько подходов к определению мотива. Мы следовали подходу В. Проппа, который, изучая структуру сказок, выделил составные элементы их сюжетов, а также повторяющиеся закономерности, или функции, как он их называл, которые представляют собой поступки действующего героя, определяемые с точки зрения их значимости для хода действия [Пропп, 1969, с. 25]. Функции – константы структуры сказки, одинаковые действия, приписываемые различным персонажам. Реальные средства реализации функций могут различаться, поэтому каждая функция объединяет множество вариантов. Эти варианты сопоставимы с широким пониманием мотива, подходом, согласно которому мотив представляет собой «эпизод или образ, обнаруженный в двух или более традициях. “Традиция” есть совокупность текстов, зафиксированных в пределах определенной этноязыковой общности или территории» [Березкин, 2021, с. 38].

Часть выявленных в нашем корпусе мотивов совпадает с классификацией сказок В. Я. Проппа, например мотив запрета и его последующее нарушение. Из 31 функции, выделенной В. Я. Проппом, в нашем анализе были использованы 27, что свидетельствует о значительном сходстве исследуемых сказочных текстов с волшебной сказкой. При этом в нашем корпусе текстов обнаружены достаточно специфические и уникальные вариации мотивов. Например, мотив воцарения главного героя в хантыйской традиции представлен как уход в верховья Оби, чтобы стать божеством, после совершения подвигов⁴.

⁴ Сопоставление мотива воцарения главного героя по теории В. Проппа с исследуемыми сказками, где герой превращается в божество, обосновывается несколькими факторами. Во-первых, оба случая представляют собой завершающий

Результаты

Систематическое исследование повествований о Бабушкином внуке на хантыйском языке при помощи филогенетического анализа выявило четыре основных сказочных типа в исследуемом корпусе текстов. Полученный результат можно интерпретировать с опорой на этнографические данные.

ТЕРЕШЕЧКА ⁵

Этот сюжет распространен среди хантов, манси, селькупов и русских. Мальчик попадает в плен к лесному великану, побеждает его, залезая на дерево (сюжет может также включать такие мотивы, как убийство детей антагониста, скармливание их отцу или преследование главного героя детьми великана). Название этому типу повествования мы дали по русской народной сказке, записанной Афанасьевым [1958, с. 183–184]. В АТУ такие повествования можно отнести к типу сказок о глупом людоеде (великане, черте) 1000–1029.

Отличительным мотивом для этой сказки в нашем корпусе является «Спасение на дереве» (L65b3 по указателю Березкина). Согласно карте мифов, этот мотив широко распространен в значительном числе регионов мира, включая Южную Африку, Переднюю Азию, Кавказ, Европу, Урал, Центральную и Среднюю Азию, в меньшей степени Северную и Южную Америку.

Такое широкое распространение, если рассматривать его в сопоставлении с древними миграциями людей, может указывать на включение этого мотива в древнейший фонд мирового фольклора. В фольклорных текстах сюжеты о спасении на дереве или использовании деревьев в качестве убежищ кажутся фантастическими, в действительности же они могут быть обусловлены реальными аспектами поведения приматов, включая ранних гоминид. Существуют научные свидетельства, подтверждающие гипотезу о том, что ранние гоминиды могли использовать деревья в каче-

момент в структуре повествования и являются финалом. Во-вторых, оба эпизода сопровождаются свадьбой главного героя. Наконец, и в том, и в другом случае этот мотив означает принципиальную смену статуса героя, переходящего от простого смертного к высшему божественному существу или властителю, что является наградой за совершенные подвиги.

⁵ Названия типов даны условно и объясняются сходством с сюжетами подобных повествований.

стве убежища от опасностей. Исследования поведения приматов, таких как шимпанзе и гориллы, показывают, что они часто используют деревья как места для отдыха, сна и защиты от хищников. Эти данные позволяют предположить, что ранние предки человека также могли прибегать к аналогичным стратегиям для обеспечения своей безопасности.

Распространение мотива «Спасение на дереве» хорошо коррелирует с самыми ранними миграциями человека. Уральский регион, заселенный около 25 тысяч лет назад, в силу своей удаленности и труднодоступности сохранил многие архаические черты в культуре своих народов.

В ряде повествований победа над великаном заканчивается его сожжением и превращением в комаров. Этот мотив (h28a по указателю Ю. Е. Березкина) примечателен географическим распространением, он зафиксирован в различных регионах, включая Урал, территорию Евразии вдоль южного побережья (особенно в Индии) и даже на острове Сахалин. Кроме того, он встречается вдоль западного побережья Северной Америки. Это более поздняя контаминация в сравнении с мотивом о спасении на дереве, причем достаточно специфичная именно для Уральского региона.

Сказки, относящиеся к типу ТЕРЕШЕЧКА, наиболее близки к волшебным сказкам. Мотивы, выявленные В. Я. Проппом, характеризуют именно этот сказочный тип. Хотя значительная часть эпизодов волшебной сказки распространилась в Евразии не позже раннего Средневековья, отдельные эпизоды могли быть известны уже в палеолите [Березкин, 2021, с. 47]. Наш анализ показал, что сказки, относящиеся к сюжету о победе над великаном, были отнесены к предковым эволюционным линиям.

МИФ О НЕБЕСНОЙ ОХОТЕ

В нашем корпусе обнаруживаются несколько текстов с различными вариантами мотива «Небесная охота» (F59.2 по ATU, b42b по указателю Березкина). Обычно его описывают как миф, согласно которому видимые в небе звезды и созвездия (в том числе Большая медведица) представляют собой следы охотников, преследуемых животных, собак, охотничьей утвари.

Этот мотив лежит в основе сюжетной линии, обычно встречающейся в Северной и Центральной Евразии, а также в Северной Америке. Этот мотив практически отсутствует на других континентах. Он известен среди различных групп коренных народов, таких как ханты, манси, селькупы, кеты, хакасы и некоторые подгруппы эвенков в Западной Сибири. В Америке он встречается среди ирокезов, включая как северные, так и южные

племена, что указывает на его присутствие в период общего языкового единства среди ирокезов [Березкин, 2005].

Вариант, зафиксированный в наших текстах, относится к «западно-сибирскому типу» мотива космической охоты. В этой версии несколько охотников преследуют лося (в отличие от североамериканских версий, в которых преследуют медведя). В этой версии люди связаны со звездами ручки ковша Большой Медведицы, а животное - с самим ковшом.

В повествованиях о небесной охоте герой предстает в своей божественной сущности. Согласно разным вариантам этого мифа, звезды символизируют различные элементы охоты: Млечный Путь представляет собой след от лыж охотника, заря означает натянутую на небе шкуру убитого лося, а созвездие Большой Медведицы трактуется как котел с тремя звездами в хвосте, символизирующими трех охотников. В верхнекалымском варианте созвездие Большой Медведицы рассматривается как тело лося, служащее маяком для путешественников.

Изображения лося были распространены на пространствах таежных и лесных зон Северной Евразии в разные исторические периоды, охватывая эпоху мезолита, неолита и раннего металла [Окладников, 1950, с. 280–284; Гурина, 1956; Жульников, Кашина, 2010]. Самая древняя фигурка лося, которая датируется 18–17 тыс. лет назад, была обнаружена на территории Забайкалья (на поселении Студеное-2) [Константинов и др., 2003, с. 18]. Изображения лосей широко представлены среди наскальных рисунков Урала [Перевалова, 2004, с. 147]. Наиболее характерной композицией наскальных рисунков на реках Тагил, Реж, Нейва, Вишера и озере Большой Аллак является изображение комплекса: парнокопытное животное, небо и солярный знак. В. Н. Чернецов отнес эти наскальные изображения к периоду от позднего неолита до Средневековья и связывал их с предками хантов и манси, чья культура имеет древнеуральские черты [Чернецов, 1971, с. 56–65].

В фольклоре населяющих берингоморье народов – коряков, ительменов, алеутов – с лосем ассоциировано созвездие Близнецов (Кастор и Поллукс) [Богораз, 1935, с. 25]. Повествования о Бабушкином внуке и связанные с ними сюжеты, подобные уральским, отсутствуют в языках дальневосточного региона. Однако, хотя сходные антропоморфные персонажи могут существовать у алеутов, коряков и ительменов, они связаны с совершенно иными сюжетами. Например, в их фольклоре отсутствует тема победы над великаном. Бабушкин внук также не идентифицирован среди других народов Чукотки и Камчатки: эскимосов, чукчей, кереков. В каче-

стве трикстера и культурного героя у них выступает совсем другой персонаж, с которым связан свой повествовательный цикл, – ворон.

МЕСТЬ ЗА СМЕРТЬ ОТЦА

Согласно указателю Ю. Е. Березкина, это мотив j4: «Герои мстят за смерть (или пленение) отца, дяди или дедушки, но не матери или обоих родителей». Этот мотив пересекается в нашем текстовом корпусе с другим мотивом, названным нами «Нелюбимый сын», который не был выделен в филогенетическом дереве как отдельный тип. В некоторых повествованиях главный герой изображается как нелюбимый сын приемного отца. В части повествований герой может выступать как божество, пребывающее в небесном царстве под началом верховного бога Торума. Несмотря на божественный статус, отец главного героя испытывает к нему неприязнь и пытается избавиться от сына. В хантыйских повествованиях причины этой враждебности не объясняются. Однако во многом близкая хантам мансийская мифология дает представление о причинах, которые заключаются в том, что главный герой является внебрачным сыном брата и жены верховного божества, бога смерти Хинь Ики и Калтащ [Ромбандеева, 2010, № 1]. В сказках фигура бабушки, воспитывающей героя на земле, действительно трактуется как богиня Калтащ, небесная мать героя, что вполне согласуется с контекстом этого мифа. Согласно мифу, Торум изгоняет жену на землю за прелюбодеяние. В нашей коллекции к этому типу принадлежит единственный текст U1.

В других вариантах главным героем является мальчик, чья история разворачивается на земле в приемной семье. Не зная о своем происхождении, он обнаруживает улики, указывающие на то, что его отец был убит, а наследство забрала приемная семья. Он отправляется на поиски убийцы своего отца, которым оказываются либо лесные великаны (варианты U2, U4), либо его приемные родственники, пытающиеся убить и главного героя. Герой избегает смерти и в итоге становится божеством (U3).

Этот мотив распространен на Кавказе, в Южной Азии, на юге Сибири, Урале, но в наибольшей степени на западном побережье Нового Света и на территории Южной Америки.

На нашем филогенетическом дереве не все таксоны были распределены органично. Так, таксон U1, представляющий повествование о нелюбимом сыне Торума, находится в отношениях гомоплазии, попав в группу текстов НЕБЕСНАЯ ОХОТА. В фольклористике такие отношения принято называть типологическим сходством, которое возникло независимо в двух раз-

ных традициях. Такая топология дерева может быть обусловлена тем, что, хотя текст E1 описывает небесную охоту на лося, в нем изображена жизнь главного героя с божественным тестем, который пытается избавиться от своего зятя, из-за чего текст попал в одну группу с мифами.

ГЕРОЙ ЖЕНИТСЯ

В четвертом выявленном типе сказок повествование построено вокруг женьбы главного героя. В этих повествованиях протагонист находит жену себе и своим родственникам, с которыми живет. Женой героя часто является представительница антагониста: это либо дочь лесного великана, либо три лесные сестры *порнэ*, которые в хантыйском фольклоре являются злыми персонажами.

Повествование M3 имеет сходство со сказочным типом 400 из индекса ATU (ATU, с. 232), в котором юноша похищает лебединое одеяние девушки, пока та купается, тем самым не позволяя ей уйти вместе со своими сестрами и вынуждая ее выйти за него замуж. Девушке удается забрать свое волшебное одеяние, она улетает (в хантыйской сказке в жилище *Менгка*, семиголового великана). Герой отправляется на поиски своей жены, убивает великана и забирает ее. В повествовании присутствуют также элементы, напоминающие тип N94 ATU (узнавание по кольцу), где девушка узнает своего жениха по кольцу, которое он кладет ей в напиток.

Повествования о браке Бабушкиного внука гораздо более распространены в фольклоре манси, где обнаруживаются параллели с повествованиями Центральной Азии. Эти параллели выходят за рамки только сказок и включают в себя также эпические повествования.

Заключение

Следы образа 'Бабушкин внук' можно наблюдать в разных фольклорных традициях, что позволяет провести сравнительное исследование сюжетов. Географическое распространение сюжетов говорит об их древности, а американские параллели позволяют отнести их к пласту фольклора, сформировавшемуся еще в палеолите. Точно датировать распространение этих сюжетов в данный момент не представляется возможным. Однако, несмотря на возможные ограничения точности датирования, анализ географического распространения мотивов имеет значение для определения времени формирования цикла повествований, которое, вероятно, происходило в разные исторические эпохи.

Список литературы

- Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки: В 3 т. М., 1958. Т. 1. 539 с.
- Бауло А. В.* Арлекин, остяцкий идол // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3. С. 111–118.
- Бауло А. В.* Жертвенные покрывала обских угров: итоги столетнего изучения // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 97–112.
- Березкин Ю. Е.* Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 141–150.
- Березкин Ю. Е.* Макроистория и большие данные в мифологии и фольклоре // Шаги / Steps. 2021. Т. 7, № 2. С. 28–52.
- Богораз В. Г.* Чукчи: В 2 т. Л.: Главсевморпути, 1939. Т. 2: Религия. 206 с.
- Вереш П.* Этиологический миф обских угров о происхождении фратриальной организации и их модель мира // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 72–78.
- Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 432 с. (МИА. № 47)
- Жульников А. М., Кашина Е. А.* «Лосиноголовые жезлы» в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 71–77.
- Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И.* Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью. Чита: Экспресс-типография, 2003. 53 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М.: Наука. 1990. 568 с.
- Молданов Т. А.* Хантыйские ритуальные халаты: символический аспект // Вестник угроведения. 2011. № 2 (5). С. 134–139.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1, 2. 412 с. (МИА. № 18)
- Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. 414 с.
- Прокофьева Е. Д.* К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник: В 18 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 88–107.
- Пропп В. Я.* Морфология сказки. 2-е изд. М.: Наука, 1969. 170 с.

Ромбандеева Е. И. Героический эпос манси (вогулов): песни святых покровителей: В 2 т. Ханты-Мансийск: Print-Klass, 2010. Т. 2. 647 с.

Сагалаев К. А. В гости к Обскому старику: обряд почитания Ас тый ики // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 26–32.

Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1-2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: ГРВЛ, 1981. С. 146–162.

Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 120 с. (САИ. Вып. В4-12(2))

Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten // Ostjakische Volksdichtung and Erzählungen aus zwei Dialekten. Kommentare: In 4 Bd. Budapest, 1975. Bd. 1. 468 S.; 1976. Bd. 2. 320 S.; 1989. Bd. 3. 640 S.

ATU – Uther H.-J. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. In 3 pts. Part I: Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction. Helsinki, 2004, 619 p.

Список источников

A1 – Der scheinotote Neffe der Frau. № 24. (Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 1. S. 302–308). Мнимоумерший племянник. № 31. (Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М.: Наука, 1990). Зап. в 1936 г. в с. Сугут-курт на Малой Оби.

A2 – Kaj. № 4. (Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 1. S. 101–107). Зап. в 1934–1937 гг. в с. Ямгорт.

E1 – Шестиногий лось. № 8. (Мифы, предания, сказки хантов и манси. С. 66–69). Зап. в 1970-х гг. у информанта из с. Тромъеган на р. Тромъеган.

E2 – Происхождение созвездий. № 9. (Мифы, предания, сказки хантов и манси. С. 69). Зап. в 1969 г. в с. Корлики на р. Вах.

E3 – Песня *Ай мощ хо*. № 27. (Медвежий праздник северных хантов / Сост. Т. А. Молданов. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)). Рукопись. Зап. в 2004 г. в д. Казым.

GF1 – Der Neffe der Frau und der Stadt-Fürst-Alte. № 20. (Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 3. S. 416–439). Зап. в 1935 г. в юртах Амнинские на р. Амня.

GF2 – Мужчина Мось, рожденный из колена Женщины. № 26. (Мифы, предания, сказки хантов и манси. С. 90–93]. Зап. в 1964 г. от информантки из д. Юильск на р. Казым.

- GF3 – *Ими хиты*. № 32. (Мифы, предания, сказки хантов и манси. С. 127–132). Зап. в 1947 г. в с. Низямы на р. Обь.
- GF4 – *Ими хилы*. № 33. (Мифы, предания, сказки хантов и манси. С. 132–133). Зап. 1975 г. в пос. Кочевые на р. Тормъеган.
- GF5 – *Альвали и Сэвс ики*. № 34. (Мифы, предания, сказки хантов и манси. С. 134–136). Зап. в 1926 г. на р. Вах.
- GF6 – *Die drej Jäger*. № 5a. (*Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten*. Bd. 1. S. 107–111). Зап. в 1937 г. в д. Ямгорт.
- GS1 – *Ими хилы*. № 7. (Мифы, сказки, предания хантов / Сост. М. А. Лапина. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)). Рукопись. Зап. в 1901 г. в с. Сургут.
- M1 – *Сын лиственничного ствола*. № 8. (Мифы, сказки, предания хантов). Рукопись. Зап. в 1996 г. в с. Лопхари.
- M2 – *Шамаш ху*. № 47. (Мифы, сказки, предания хантов). Рукопись. Зап. в 1994 г. в с. Лопхари.
- M3 – *Ketjas, der jüngste von der Männer*. № 3. (*Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten*. Bd. 1. S. 89–101). Зап. в 1934–1937 в д. Ямгорт.
- MG1 – *Внук гусяного сора, [внук] утиноного сора*. № 5. (Мифы, сказки, предания хантов). Рукопись. Зап. в 1970 г. в с. Теги.
- R1 – *Священное сказание о Желанном Богатыре – Купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света*. № 30. (Мифы, предания, сказки хантов и манси. С. 105–125). Зап. в 1947 г. в с. Низямы на р. Обь.
- U1 – *Огненный потоп*. № 11. (Мифы, предания, сказки хантов и манси. С. 70–73). Зап. в 1988–1989 г. в Обдорске (Салехард).
- U2 – *Der śempər Stein*. № 21. (*Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten*. Bd. 1. S. 244–263). *Камень-семпыр*. № 27. (Мифы, предания, сказки хантов и манси. С. 94–101). Зап. в 1936 г. от информанта из с. Сугут-курт на Малой Оби.
- U3 – *Ям Алие*. № 16. (Мифы, сказки, предания хантов). Рукопись. Зап. в 1994 г. в с. Казым.
- U4 – *Der lampask-alte und sein Enkel*. № 22. (*Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten*. Bd. 2. S. 249). *Старик Лампак и его внук*. № 35. (Мифы, предания, сказки хантов и манси. С. 136–141). Зап. в 1936 г. от информанта из с. Сугут-Курт на Малой Оби.

References

- Afanasev A. N. *Narodnye russkie skazki* [Russian Popular Fairy Tales]. In 3 vols. Moscow, 1958, vol. 1, 539 p. (in Russ.)

ATU – Uther H.-J. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. In 3 pts. Part I: Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction. Helsinki, 2004, 539 p.

Baulo A. V. Arlekin, ostyatskii idol [Arlekin, the idol of the Ostyaks]. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2009, no. 3, pp. 111–118. (in Russ.)

Baulo A. V. Zhertvennye pokryvala obskikh ugrov: itogi stoletnego izucheniya [Sacrificial Linens of the Ob Ugrians: The Outcome of a Hundred Years of Studies]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 3, pp. 97–112. (in Russ.)

Berezkin Yu. E. Kosmicheskaya okhota: varianty sibirsko-severoamerikanskogo mifa [Cosmic Hunt: Variants of a Siberian-North American Myth]. *Arkheologiya, Etnografiya i Antropologiya Evrazii*, 2005, vol. 2 (22), pp. 141–150. (in Russ.)

Berezkin Yu. E. Makroistoriya i bol'shie dannye v mifologii i fol'klоре [Big history and big data in mythology and folklore]. *Shagi / Steps*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 28–52. (in Russ.)

Bogoraz V. G. Chukchi. In 2 vols. Leningrad, Glavsevmorput' Publ., 1939, vol. 2: Religiya, 206 p. (in Russ.)

Chernetsov V. N. Naskal'nye izobrazheniya Urala [Petroglyphs of the Urals]. Moscow, Nauka, 1971, 120 p. (SAI. Iss. V4-12(2)) (in Russ.)

Gurina N. N. Oleneostrovskii mogil'nik [Oleni Ostrov burial site]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1956, 432 p. (MIA. No. 47) (in Russ.)

Konstantinov M. V., Konstantinov A. V., Vasilev S. G., Ekimova L. V., Razgildeeva I. I. Pod pokrovitel'stvom Bol'shogo Shamana: arkheologicheskoe puteshestvie po Zabaykal'yu [Under the Patronage of the Great Shaman: An Archaeological Journey through Transbaikalia]. Chita, Ekspresstipografiya, 2003, 53 p. (in Russ.)

Lukina N. V. (ed.). Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, Legends, and Folktales of the Khanty and Mansi]. Moscow, Nauka, 1990, 568 p. (in Russ.)

Moldanov T. A. Khantyyskie ritual'nye khalaty: simvolicheskii aspekt [Khanty Ritual Coats: The Symbolic Aspect]. *Vestnik ugrovedeniya*, 2011, no. 2 (5), pp. 134–139. (in Russ.)

Okladnikov A. P. Neolit i bronzovyi vek Pribaykal'ya [Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, pt. 1, 2, 412 p. (MIA. No. 18) (in Russ.)

Perevalova E. V. Severnye khanty: etnicheskaya istoriya [Northern Khanty: Ethnic History]. Ekaterinburg, UrB RAS Publ., 2004, 414 p. (in Russ.)

Prokofeva E. D. K voprosu o sotsial'noi organizatsii sel'kupov (rod i fratriya) [Regarding the Social Organization of the Selkup People (Clan and Fraternity)]. In: *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik*. In 18 vols. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952, vol. 1, pp. 88–107. (in Russ.)

Propp V. Ya. Morfologiya skazki [Morphology of the Folktale]. 2nd ed. Moscow, Nauka, 1969, 170 p. (in Russ.)

Rombandeeva E. I. Geroicheskiy epos mansi (vogulov): pesni svyatykh pokrovitelei [Heroic Epic of the Mansi (Voguls): Songs of the Patron Saints]. Khanty-Mansiysk, Print-Klass, 2010, 647 p. (in Russ.)

Sagalaev K. A. V gosti k Obskomu stariku: obryad pochitaniya As tyu iki [Visiting the Ob old man: the rite of worship of As tyi iki]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2019, no. 4, pp. 26–32. (in Russ.)

Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. In: Ostjakische Volksdichtung and Erzählungen aus zwei Dialekten. Kommentare: In 4 Bd. Budapest, 1975, Bd. 1, 468 S.; 1976, Bd. 2, 320 S.; 1989, Bd. 3, 640 S.

Toporov V. N. Ob iranskom vliyaniy v mifologii narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii (1–2) [On the Iranian influence on the mythologies of Caucasus and the Middle Asia]. In: *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura)* [Caucasus and the Middle Asia of the Ancient and Middle ages]. Moscow, GRVL, 1981, pp. 146–162.

Veresh P. Etiologicheskiy mif obskikh ugrov o proiskhozhdenii fraternal'noi organizatsii i ikh model' mira [Etiological Myth of the Ob Ugrians About the Origin of the Fraternal Organization and Their Model of the World]. In: *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov*. Novosibirsk, Nauka, 1990, pp. 72–78. (in Russ.)

Zhulnikov A. M., Kashina E. A. “Losinogolovye zhezly” v kul'ture drevnego naseleniya Zaural'ya, Severnoi i Vostochnoi Evropy [“Moose-Headed Scepters” in the Culture of Ancient Inhabitants of Trans-Urals, Northern and Eastern Europe]. *Arkheologiya, Etnografiya i Antropologiya Evrazii*, 2010, no. 2 (42), pp. 71–77. (in Russ.)

List of Sources

A1 – Der scheinote Neffe der Frau. № 24. (Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. In: Ostjakische Volksdichtung and Erzählungen aus zwei Dialekten. Kommentare: In 4 Bd. Budapest, 1975, Bd. 1, S. 302–308). Mnimoumershii plemyanik. № 31. (Lukina N. V. (ed.). Mify, predaniya, skazki khantov i mansi

[Myths, Legends, and Folktales of the Khanty and Mansi]. Moscow, Nauka, 1990, p. 125). Rec. in 1936 in vil. Sugut-kurt on Malaya Ob.

A2 – Kaj. № 4. (Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 1, S. 101–107). Rec. in 1934–1937 in vil. Yamgort.

E1 – Shestinogii los'. № 8. (Lukina, 1990, p. 66–69). Rec. in 1970s from the informant from vil. Trom"egan on r. Trom"egan.

E2 – Proiskhozhdenie sozvezdii. № 9. (Lukina, 1990, p. 69). Rec. in 1969 in vil. Korliki on r. Vakh.

E3 – Pesnya Ay moshch kho [The song of Ay Mos Kho]. № 27. (Medvezhiy prazdnik severnykh khantov [The Bear fest of the North Khanty] / Ed. by T. A. Moldanov. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka)). Manuscript. Rec. in 2004 in vil. Kazym.

GF1 – Der Neffe der Frau und der Stadt-Fürst-Alte. № 20. (Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 3, S. 416–439). Rec. in 1935 in Amninskie yurt on r. Amnya.

GF2 – Muzhchina Mos', rozhdenyi iz kolena Zhenshchiny. № 26. (Lukina, 1990, p. 90–93). Rec. in 1964 from the informant from vil. Yuil'sk on r. Kazym.

GF3 – Imi khity. № 32. (Lukina, 1990, p. 127–132). Rec. in 1947 in vil. Nizyamy on r. Ob.

GF4 – Imi khily. № 33. (Lukina, 1990, p. 132–133). Rec. in 1975 in vil. Kochevye on r. Torm"egan.

GF5 – *Al'vali i Sevs iki*. № 34. (Lukina, 1990, p. 134–136). Rec. in 1926 on r. Vakh.

GF6 – Die drej Jäger. № 5a. (Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 1, S. 107–111). Rec. in 1937 in vil. Yamgort.

GS1 – *Imi khily*. № 7. (Lapina M. A. (ed.). Mify, skazki, predaniya khantov [Myths, Tales and Legends of the Khanty]. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka)). Manuscript. Rec. in 1901 in vil. Surgut.

M1 – Syn listvennichnogo stvola [Son of a larch trunk]. № 8. (Lapina M. A. (ed.). Mify, skazki, predaniya khantov [Myths, Tales and Legends of the Khanty]. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka)). Manuscript. Rec. in 1996 in vil. Lopkhari.

M2 – Shamash khu. № 47. (Lapina M. A. (ed.). Mify, skazki, predaniya khantov [Myths, Tales and Legends of the Khanty]. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka)). Manuscript. Rec. in 1994 in vil. Lopkhari.

M3 – Kemjas, der jüngste von der Männer. № 3. (Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 1, S. 89–101). Rec. in 1934–1937 in vil. Yamgort.

MG1 – Vnuk gusinogo sora, [vnuk] utinogo sora [Grandson of the grey goose offspring, grandson of the white goose]. № 5. (Lapina M. A. (ed.). Mify, skazki, predaniya khantov [Myths, Tales and Legends of the Khanty]. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka)). Manuscript. Rec. in 1970 in vil. Tegi.

R1 – Svyashchennoe skazanie o Zhelannom Bogatyre – Kuptse Nizhnego Sveta, Kuptse Verkhnego Sveta [Sacred Tale of the Desired Hero – The Merchant of the Lower World, The Merchant of the Upper World]. № 30. (Lukina, 1990, p. 105–125). Rec. in 1947 in vil. Nizyamy on r. Ob.

U1 – Ognennyi potop [Fire Flood]. № 11. (Lukina, 1990, p. 70–73). Rec. in 1988–1989 in vil. Obdorske (Salekhard).

U2 – Der šempær Stein. № 21. (Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 1, S. 244–263). Kamen'-sempyr. № 27. (Lukina, 1990, p. 94–101). Rec. in 1936 from the informant from vil. Sugut-kurt on r. Malaya Ob.

U3 – Yam Alie. №16. (Lapina M. A. (ed.). Mify, skazki, predaniya khantov [Myths, Tales and Legends of the Khanty]. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka)). Manuscript. Rec. in 1994 in vil. Kazym.

U4 – Der lampask-alte und sein Enkel. № 22. (Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 2, S. 249). Starik Lampask i ego vnuk. № 35. (Lukina, 1990, p. 136–141). Rec. in 1936 from the informant from vil. Sugut-Kurt on r. Malaya Ob.

Информация об авторе

Анна Александровна Гриневич, кандидат филологических наук

Information about the Author

Anna A. Grinevich, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 01.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024
The article was submitted on 01.02.2024;
approved after reviewing on 10.03.2024; accepted for publication on 10.03.2024*